

ТРИДЦАТЬ лет назад в издававшемся тогда журнале «Рабочий и театр» был помещен рисунок, запечатлевший молодого артиста Ленинградского театра музыкальной комедии А. Маренича в роли одного из героев оперетты «Черная роза». В архиве артиста сохранилась пожелтевшая от времени афиша, на которой так рекламировалась эта оперетта: «Боевая новинка Европы! Действие 1 — Красавица Венеция или пропавшее кольцо. Действие 2 — Бал-маскарад или мнимый мертвец. Действие 3 — На острове Суматра свадебный кортеж...».

Афиша эта — красноречивое свидетельство репертуара двадцатых годов, когда в театрах оперетты безраздельно царили герои «Фен карнавала», «Баядеры», «В волнах страстей», «Жрицы огня», когда музыкальная комедия была далека от жизни и находилась в плену обветшалых штампов.

Придя в театр совсем молодым, Маренич быстро выдвинулся в число ведущих актеров Ленинградской музыкальной комедии. Очевидные способности, молодость, природный темперамент обеспечивали ему успех в ролях своего ампула — простака. Правда, образы, воплощенные им в канонах жанра, были несколько однотипны и не отличались глубиной, но ведь этого и не требовалось тогда от артиста оперетты.

Переломным в творческой биографии А. Маренича стал 1933 год, когда он вступил в труппу только что созданного Свердловского театра музыкальной комедии. Здесь развился и окреп талант артиста под благотворным влиянием новой реалистической драматургии, искусства современной темы и жизненных образов. Здесь он вырос в крупного мастера опереточной сцены. В 1948 году ему было присвоено почетное звание заслуженного артиста РСФСР, в 1953 году за большие достижения в развитии советского искусства А. Маренич был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Анатолий Григорьевич Маренич прекрасно владеет острым оружием смеха. В его арсенале — теплый, незлобивый юмор, мягкая, дружеская улыбка и беспощадная сатира, злод, ядовитая насмешка. Целая галерея образов показана им за двадцать четыре года на сцене Свердловского театра,

ОРУЖИЕМ СМЕХА

и почти все они различны, не похожи друг на друга.

Дарование актера с особой наглядностью проявилось в изображении нового героя советской оперетты, в создании положительных образов. И первым в этом ряду был, конечно, Яшка-артиллерист из замечательной советской музыкальной комедии «Свадьба в Малиновке», написанной Б. Александровым в 1938 году. Не во фраке, с неременной хризантемой в петлице, а в побуревшей, выцветшей солдатской гимнастерке, не в лакированных туфлях, а в рваных сапогах вышел этот герой на сцену. Маренич правдиво показал простого украинского пареня, который находит свое место в общем строю народа, борющегося за Советскую власть. Сыгранный в тонкой комедийной манере, такой близкий и понятный, Яшка полюбился зрителям, и до сих пор остается в репертуаре артиста как одна из этапных и дорогих ему работ.

Демобилизованный танкист Бурмак из оперетты Ю. Милютин «Беспокойное счастье», шофер Сафар из «Чудесного края» И. Рябова были наделены индивидуальными чертами, выразительно передан национальный колорит каждого образа, а теплый юмор помогал раскрытию душевной красоты этих людей, их положительных качеств. Маренич как бы говорил зрителям: «Смейтесь, смейтесь, ведь мы с вами прекрасно понимаем, что это — добрый смех, что Бурмак и Сафар — хорошие парни, и их есть за что любить...» Запомнился всем и бывалый моряк Филипп из «Вольного ветра» И. Дунаевского. В его веселых, озорных куплетах, в крепких, соленых шутках звучала любовь к жизни, вера в силы своего народа, презрение к заморским господам, посягающим на независимость родной страны Филиппа.

И как непохож был на них, наших современников, бравый, затянутый в сверкающий мундир поручик Ржевский в музыкальной комедии «Голубой гусар». Закрутив лихо ус и позванивая шпорами, Маренич свободно чувствовал себя в столь необычной для него героической роли гусара — партизана 1812 года. Зрители были рады этому веселому знакомству с отважным патриотом и

преданным другом, забяжкой-дуэлянтом и пылким влюбленным.

Таково искусство перевоплощения. Оно основано на внимательном наблюдении за жизнью, на умении подметить в окружающих примечательные, характерные черты, отложить их в кладовую актерской памяти и вновь вернуть к жизни уже в конкретном, предельно выразительном по форме сценическом образе. Положительные герои Маренича естественны, обаятельны и жизне-радостны — в этом проявляется особенность его таланта как таланта оптимистического.

Подлинная стихия Маренича — сатирическое обличение. Он беспощадно разоблачает обывателей, мещан, проходимцев. Актер большой культуры, Маренич умело использует слово, тщательно доносит до зрителя текст. Он придирчиво работает над внешним рисунком образа, высоко ценит сценическую деталь — будь это яркая фраза или одно меткое словечко, принадлежность костюма или выразительный жест. Эта деталь запоминается, она помогает обнаружить нутро персонажа, в ней подчас концентрируется его суть. Вот, например, заблудился посредственный спектакль — «Золотое вино», но остался в памяти сыгранный Мареничем модный портной Леопольд Габардинов, любитель «роскошной жизни», своеобразный прототип позднейших стилист, и в ушах звучит его неизменная, так богатая оттенками фраза: «В каком разрезе?»

Острота разоблачения, умение создать выпуклый, обобщающий образ проявились в одной из лучших работ Маренича — в роли Богдана Сурика из музыкальной комедии Ю. Милютин «Трембита». Артист хорошо сказал, каким видится ему Сурик: «У него вихляющая походка и вкрадчивые движения блудливого кота, которому очень хочется слизнуть пенку с молока, но он знает, что за это его больно побьют — и боится». Чувство брезгливости вызывал этот смешной, жалко сюсюкающий человечек в котелке и непомерно больших заграничных ботинках. Но что-тостораживающее скрыто под этой оболочкой. Сурик затаился, притих, но ему очень хочется, чтобы верну-

лось старое, и за долларовую подачку он может пойти на что угодно. Одержимый «идеями фикс» — разбогатеть, он — чужой среди людей закарпатского села, над которым встает утро новой, советской жизни.

Совсем маленькую роль служителя чайной Аполлинария сыграл Маренич в спектакле «Огоньки». Немного времени и слов отведено Аполлинарию, но артист рассказал зрителям всю жизнь, «человека из ресторана». Потухшие глаза, сизый нос, облезлые баки, засаленный фрак... Аполлинарий прошел по сцене своей ревматической походкой, сказал несколько слов дребезжащим голосом, поправил перекинутую через руку салфетку, и уже воссоздана атмосфера окраинного заведения, и словно потянуло его угарным чадом. Маренич создал типический характер, на примере конкретного человека — Аполлинария он как бы вскрыл социальную сущность лакейства. Это была подлинно-реалистическая сатира.

Наступает другой вечер, снова вспыхивают огни рампы, звучит пленительная музыка И. Дунаевского к «Белой акации». И уже не в облики старого лакея, а в молодом, полном комбинаторской энергии снабженце Якове Наконечникове узнаем мы Маренича. С какой иронией рисует он этого галантного одессита и отчаянного жулика! Сатирические стрелы, пущенные уверенной рукой, летят в цель. И Яшка, шикарный, модный Яшка Буксир в великолепной морской фуражке, оказывается мелким сухопутным ничтожеством. Над ним смеются на сцене, смеются в зрительном зале. Как не вспомнить слова Салтыкова-Щедрина, что смех — «это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех».

Особое место в творчестве актера занимает образ старателя Василия Кокшарова

А. МАРЕНИЧ в роли Кокшарова («Марк Береговик»). Снимок В. Засыпкина.

из спектакля «Марк Береговик», открывший новые грани мастерства Маренича. Пьяный, оборванный Василий несет на себе тяжкую печать крепостного гнета, который исковеркал его жизнь, но не сумел погубить совесть и доброе сердце. Кокшаров неподкупен, буйно весел, и душа его широка. В этом создании актера «комическое сходит с трагическим», а смех, возбуждаемый Василием, — горький смех.

Богатая творческая фантазия, изобретательность отличают актерский почерк Маренича. Природная музыкальность позволяет ему раскрыть черты своего героя в песенке, в куплетах, как бы пропитать образ музыкой. В Марениче счастливо сочетаются качества синтетического актера, столь необходимые для артиста оперетты, этого любимого народом зажиточного, наряженного искусства. «Вместе с артистом в спектакль вторгается подлинная природа жанра оперетты, сливающего слово, музыку, танец в едином внутреннем ритме, в лаконичном, отточенном по мастерству образе», — говорило о Марениче в статье «Правды», посвященной гастролям Свердловского театра в Москве в 1953 году.

Свобода сценического поведения, изящество и легкость игры Маренича достигнуты большим опытом, неустанным, вдумчивым трудом. Это именно то изящество, которое, по словам К. Станиславского, необходимо оперетте «вроде того газа, без которого

шампанское становится кислой водичей». Работать в легком жанре не легко. И к чести актера надо сказать, что он находится в «форме», он творчески активен и многое еще может сделать в театре. Перед ним нужно ставить новые, ответственные и сложные задачи. И очень жаль, что таких ролей пока нет. В минувшем сезоне Маренич сыграл сыщика Кавалькадоса в «Чаните» и администратора кабаре Родриго в спектакле «Где-то на юге». Сам драматургический материал не побуждал артиста к поискам нового, и роли эти не стали заметным событием в его творческой биографии.

Анатолий Григорьевич Маренич всегда работает в тесном контакте со зрителем. С первого же выхода на сцену возникает радость зрителя и актера, взаимное понимание. О признательности зрителей говорят не только дружеские аплодисменты, но и обширная почта актера — письма рабочих и студентов, советских воинов и школьников, товарищей по искусству.

Это доверие обязывает к тому, чтобы мастер всегда шел только вперед, не успокаивался на достигнутом, чтобы его никогда не оставляли строгий художественный вкус и взыскательность, ибо каждый спектакль — это встреча с новым зрителем, творческий отчет перед ним. А для советского артиста нет ничего выше честного и вдохновенного служения народу.

Б. КОГАН.

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

19 декабря 1957 г.

3 стр.